

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Салчинкина А.Р. Полковые праздники и юбилей Собственного Его Императорского Величества конвоя в пространстве исторической культуры кубанского и терского казачеств // Человек и культура. 2024. № 4. С. 145-154. DOI: 10.25136/2409-8744.2024.4.71210 EDN: VJMRJR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71210

Полковые праздники и юбилей Собственного Его Императорского Величества конвоя в пространстве исторической культуры кубанского и терского казачеств

Салчинкина Ангелина Ростиславовна

ORCID: 0000-0002-4692-5362

кандидат исторических наук

доцент, кафедра истории и политологии; Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

350044, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, каб. 308

✉ eclipsis@yandex.ru

[Статья из рубрики "Историческая культурология и история культуры"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2024.4.71210

EDN:

VJMRJR

Дата направления статьи в редакцию:

07-07-2024

Аннотация: Изучение интерпретаций исторических событий с позиций определенной социальной группы или общества в целом, а также механизмов формирования и транслирования представлений о прошлом является перспективным предметным полем современных исторических исследований. В статье анализируются ежегодные полковые праздники и юбилейные торжества 1911 г. Собственного Его Императорского Величества конвоя с позиции концепции исторической культуры. В центре исследовательского внимания находятся ценностные установки и представления о своем прошлом кубанского и терского казачеств, являющихся ядром казачьей гвардии. Изучение праздничной коммеморации Конвоя через призму концепции исторической культуры обусловлено необходимостью поиска эффективных механизмов сохранения и моделирования коллективной исторической памяти современного казачества, в том

числе и через практику празднования памятных дат. Будучи историческим исследованием, работа строилась на основе историко-генетического, историко-сравнительного и историко-системного методов с применением междисциплинарного подхода. Новизна работы определяется как неизученностью проблематики исследования, так и введением в научный оборот нового архивного материала, хранящегося в фондах Государственного архива Краснодарского края. Анализ праздничных мероприятий Конвоя выявил не только схожие элементы с праздничной культурой российской армии в целом (парад, литургия и молебен, церемониальный марш, неформальная часть для офицеров и нижних чинов), но и отличительные черты, характерные для казачьей гвардии (высочайшее присутствие, джигитовка, казачьи песни и танцы). Был сделан вывод, что праздничная коммеморация, в основе которой были ретроориентированность, ритуальность, коллективность, корпоративно-ценностная направленность и эмоциональность, играла важную роль в развитии исторической культуры кубанских и терских казаков, служащих в Конвое.

Ключевые слова:

историческая культура, праздничная коммеморация, полковые праздники, юбилей, праздничные торжества, воинские ритуалы, императорский Конвой, кубанское казачество, терское казачество, Державные шефы Конвоя

Вторая половина XX в. ознаменовалась появлением в исторической науке новой самостоятельной области исследования – исторической культуры. Она включает в себя совокупность представлений определенной социальной группы (или общества в целом) относительно своего прошлого, а также все формы конструирования, фиксации, трансляции и функционирования нарративов о прошлом в определенных исторических условиях.

Важную роль в пространстве исторической культуры занимает праздничная коммеморация. Степень научной разработанности проблематики весьма многоаспектна, для данного исследования интерес представляют работы О. В. Гефнер [\[1\]](#), Е. Э. Келлер [\[2\]](#), В. Л. Минер [\[3\]](#), И. В. Хохлова [\[4\]](#). В целом, при наличии разнообразной литературы, посвященной праздничной культуре воинских частей Российской империи, данный аспект изучен частично и за пределами концепции исторической культуры.

В своем исследовании сибирский историк О. В. Гефнер выделила основные группы праздников, которые официально отмечались в российской армии в конце XIX – начале XX вв. [\[1, с. 77-78\]](#). Среди таковых наиболее многочисленными были «царские дни», связанные с торжественным событиями в императорской семье, и религиозные праздники, посвященные самым значимым событиям православного календаря и особо чтимым святым. Далее шли официальные государственные праздники и орденские, приуроченные к дню святых, в честь которых были учреждены 8 высших наград Российской империи. Особое место в дореволюционной военной культуре занимали юбилеи и ежегодные праздники воинских частей.

В данной статье в центре исследовательского внимания находится ежегодная традиция организации полковых праздников и юбилейных торжеств Собственного Его Императорского Величества конвоя. Изучение праздничной коммеморации казачьей гвардии с позиции концепции исторической культуры обусловлено необходимостью поиска эффективных механизмов сохранения и моделирования коллективной

исторической памяти современного казачества, в том числе и через практику празднования памятных дат.

В военной культуре дореволюционной России полковые дни были важными событиями в воинских подразделениях и имели поддержку со стороны официальных властей в силу своей функциональной значимости. Они напоминали о примерах верного служения Отечеству и поднимали боевой дух, формировали корпоративное сознание и способствовали развитию чувства военной солидарности. Чаще всего полковой праздник отмечался в день памяти святого, которого считали небесным покровителем части или в честь которого был освящен полковой храм. Иногда полковой день был приурочен к важному историческому событию, прежде всего, военной победе.

Интересная ситуация сложилась с эволюцией полкового праздника Конвоя, описание которой нашло отражение в историческом очерке С. И. Петина [\[5\]](#). Первоначально казачья гвардия отмечала свой день 6 декабря, когда православная церковь чтит память Николая Чудотворца. Этот святой был особенно любим как среди российского воинства в целом, так и казачества в частности. Легендарная атака донских и черноморских казаков Конвоя против французской кавалерии при Лейпциге в 1813 г., когда были спасены жизни трех императоров – Александра I, Фридриха-Вильгельма III и Франца I, стала одной из героических страниц в истории царской охраны. В 1861 г. в память об этом событии 4 октября был установлен как полковой праздник Конвоя, а священномученик Иерофей Афинский стал небесным покровителем лейпцигских героев. В 1867 г. в составе Конвоя были выделены 3 эскадрона, два из которых состояли из кубанцев, а один – из терцев. Прежний праздник л.-гв. Казачьего полка (6 декабря) перешел к л.-гв. Кавказскому Терскому эскадрону, наследство черноморской гвардии (4 октября) досталось л.-гв. 1-му и 2-му Кавказским Кубанским эскадронам. Однако, стоит отметить, что в делопроизводственной документации, дореволюционных периодических изданиях, исторических очерках С. И. Петина и Н. В. Галушкина сведения о празднованиях полкового праздника казачьей гвардии относятся только к дню Св. Иерофея.

В структуре торжеств, посвященных «именинам» Конвоя, можно выделить основные традиционные элементы: высочайший смотр казаков, молебен, церемониальный марш, неформальная часть. Как отмечал исследователь праздничной культуры О. Л. Орлов, знание праздничного ритуала является не только обязательным условием участия в торжествах, но и чертой принадлежности к определенной группе и ее культурной традиции [\[6, с. 37\]](#). Поскольку в семиосфере праздника отражаются коллективные аксиологические установки конвойцев и представления о прошлом, в нем заложены мощный интегрирующий потенциал и эффективный механизм приобщения к непреходящим групповым ценностям.

Отличительной особенностью полковых праздников казачьей гвардии было присутствие на них императора и членов его семьи. Прежде всего это было связано с тем, что Конвой занимал исключительное положение среди воинских частей в силу своей близости к первым лицам государства. После того, как император принимал рапорт командира, он обходил строй сотен, поздравляя каждую отдельно. Символичным было и ношение последним императором Николаем II и цесаревичем Алексеем казачьей формы, что демонстрировало единение монархии с казачеством. В случае, если августейшие особы не могли присутствовать на торжественном мероприятии, Конвою зачитывались от них поздравительные телеграммы. К полковому празднику казаки могли получить от императора особые знаки или материальное вознаграждение. Например, в 1883 г.

офицерским чинам был пожалован золотой нагрудный знак с вензелем Александра III, короной и лавровым венком, переплетенным Андреевской лентой, у нижних чинов он был из белого металла. В 1894 г. все казаки получили по серебряному рублю.

Обязательным атрибутом полкового праздника были литургия и молебен. Для казаков, видевших свое предназначение в защите Веры, Царя и Отечества, он придавал мероприятию священный характер и выполнял функции духовной поддержки. Для официальных властей религиозные церемонии, являющиеся отражением государственной идеологии в рамках уваровской триады, подчеркивали богоданность власти.

Военной составляющей праздника был церемониальный марш, который демонстрировал сплоченность и дисциплину конвойцев. Как правило сотни шли пешим порядком, реже добавлялся конный строй, как это было во время парада 1907 г. в манеже Уланского полка. В случае присутствия императора церемониальный марш завершался его словами благодарности. В 1913 г. в Ливадии по случаю полкового праздника Конвоя Николай II обратился к своей гвардии со следующей речью: «Казаки, сегодня минуло 100 лет со дня славного Лейпцигского боя, в котором Черноморский дивизион, ваши предки, покрыл себя неувядаемой славой, за что ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I пожаловал ему Георгиевский штандарт. Уверен, что вы и будущие поколения Кубанцев и Терцев, состоя в Конвое, будете служить также доблестно и преданно свои ЦАРЯМ и Родине, как служили ваши предки, и тем поддержите славу МОЕГО Конвоя. За дальнейшую боевую славу и процветание Конвоя, за ваше здоровье, казаки» [\[7, л. 171\]](#). Далее император благодарил офицеров за организацию блестящего парада, а казаков – за проведение молодецкого смотра. Завершилась официальная часть пожеланием «здравницы» всей монаршей семье и восторженным «ура» конвойцев [\[8, с. 2\]](#).

Подобными памятными речами, которые современный исследователь символической политики О. Ю. Малинова относит к классу эпидейктической риторики [\[9\]](#), сопровождалась все полковые праздники Конвоя, на которых присутствовали императоры. Через похвалу прежних заслуг и выражение надежд на дальнейшую верную службу слова монархов транслировали политические ценности эпохи и формировали модели будущих действий адресатов.

Для полковых праздников Конвоя обязательным была неформальная часть, во время которой устраивалось застолье с задумчивыми песнями и произносились тосты. Традицией стало и зачитывание телеграмм с поздравлениями, которые приходили от императора и членов его семьи, министров императорского двора, кавказского наместника, атаманов Терского и Кубанского казачьих войск, бывших конвойцев, воинских частей российской армии, представителей кавказских народов и др. Согласно сохранившимся материалам в Государственном архиве Краснодарского края, в юбилейный 1911 г. Конвой получил 142 поздравительные телеграммы [\[10\]](#), в 1912 г. – 71, в 1913 г. – 80 [\[7\]](#), в 1915 г. – 29, в 1916 г. – 62 [\[11\]](#).

Если полковой праздник проходил при Высочайшем присутствии, офицеров Конвоя приглашали на завтрак к императору. В своем историческом очерке С. И. Петин писал, что праздничное застолье в Ливадийском дворце в 1909 г. сопровождалось лезгинкой с кинжалами, песнями хора и музыкой военного оркестра [\[5, с. 314\]](#). В 1913 г. во время завтрака играли трубачи Крымского конного Государыни Императрицы Александры Федоровны полка [\[8, с. 2\]](#), а в 1916 г. хор Конвоя поразил приглашенных на праздник иностранных военных представителей исполнением казачьего марша «Дружно, стройно,

громко грянем мы, казачье ура!» и пятью гимнов союзных России государств [\[12, с. 268\]](#). Традиционно император поднимал чарку за боевую славу и процветание Конвоя, благодаря за службу прежний и действующий составы казачьей гвардии. Подобные неформальные застолья, наполненные воспоминаниями о совместной многолетней деятельности, способствовали сплочению и единению конвойцев, а присутствие монарха культивировало чувство преданности престолу.

Коррективы в процедуру празднеств могли вносить внутривластные и внешнеполитические события. Полковой праздник в 1894 г. был омрачен болезнью Александра III. Он прошел тихо, в молитвах о здравии монарха. Несмотря на надежды казаков о выздоровлении государя, вызванные его телеграммой, через 16 дней на Ливадийском дворце был опущен императорский штандарт, что извещало о смерти российского императора.

Еще большие изменения могли вносить военные компании, в которых принимал участие Конвой. Однако, не смотря на экстремальные условия войны проведение полковых праздников старались не отменять, поскольку они имели важное значение для официальных властей и глубокий смысл для всех чинов казачьей гвардии. Подобные мероприятия позволяли повысить боевой дух, осознать необходимость защиты Отечества и обрести уверенность в правильности своего дела. В разгар русско-турецкой войны в 1877 г. кубанцы в день своего покровителя Св. Иерофея провели успешную рекогносцировку местности от Горного Дубняка до Телиша, получив на следующий день телеграмму от Александра II, в которой он поздравлял их «с первым боем и дивизионным праздником» [\[5, с. 213\]](#). Для терцев, которые остались при императоре в селении Горный Студень был устроен настоящий праздник – с молебном в походной церкви, церемониальным маршем перед Его Величеством, завтраком для нижних чинов на траве и словами благодарности от государя «с чаркою в Державной руке» [\[5, с. 218\]](#). В 1904 г. парад Конвоя проходил в Царском Селе в присутствии Николая II и Александры Федоровны. Император не только благословил казаков на поход, но и поблагодарил «за патриотическую жертву» – конвойцы передали на нужды войны 3000 руб. и на усиление флота – 1000 руб. [\[5, с. 306\]](#).

К наиболее важным поводам для праздничной коммеморации в военной культуре дореволюционной России относились «круглые даты» воинских подразделений. Столетний юбилей Конвоя приходился на 1911 г., однако, подготовка к нему началась задолго до обозначенной даты.

В 1909 г. последовало Высочайшее соизволение на изготовление юбилейного штандарта к юбилею Конвоя, который до 1911 г. вместе с принадлежностями хранился в Интендантском вещевом складе в Санкт-Петербурге [\[10, л. 6, 155\]](#).

В 1909 г. командир Конвоя, князь Г. И. Трубецкой сформировал юбилейную комиссию под руководством полковника С. И. Петина. Перед ней ставилась задача осмотреть и отобрать старые формы обмундирования, вооружения и снаряжения конвойцев [\[10, л. 9-9 об.1\]](#). С разрешения императора на юбилейных торжествах предполагалось показать исторические формы 9 офицеров и 9 казаков.

В 1910 г. была составлена историческая справка, которую традиционно готовили к значимым событиям. Работу поручили историку Конвоя С. И. Петину, который ранее написал о нем объемный исторический очерк. Краткая выписка из истории начиналась с приказа по Военному ведомству № 358 от 1904 г., в котором говорится, что

«Собственный Е. И. В. Конвой пользуется правами старой гвардии и старшинством: Кубанские сотни с 18 мая 1811 г. и терские с 12 октября 1832 г.» [\[10, л. 13-19\]](#). Справка С. И. Петина фиксировала официальную версию появления царской охраны, которая начиналась с формирования л.-гв. Черноморской казачьей сотни. Завершался исторический обзор 1891 г., когда в составе Конвоя были выделены 4 сотни: 1-я и 2-я Кубанские, 3-я и 4-я Терские. Помимо изложения основных дат, связанных с переформированием казачьей гвардии, С. И. Петин особо отметил Лейпцигское сражение, в котором казаки продемонстрировали преданность престолу.

Структура торжеств, посвященных юбилею Конвоя, практически не отличалась от ежегодных полковых праздников. Разница была в размахе и торжественности. Организацией масштабного мероприятия власть демонстрировала благодарность своей надежной опоре в лице гвардии и популяризировала воинские традиции среди общественности. Помимо этого, как отмечала О. В. Гефнер, в условиях недостатка развлечений для горожан военный праздник удовлетворял их потребность в зрелищных мероприятиях [\[1, с. 82-83\]](#).

Инициатором празднеств выступала верховная власть, поэтому участников юбилейных торжеств отбирали заранее. В 1910 г. наказные атаманы Кубанского и Терского казачьих войск подали в столицу список своих делегатов. По докладу командующего Императорской главной квартирой, барона В. Б. Фредерикса император утвердил состав участников. И кубанцы, и терцы должны были направить своих атаманов, начальников штабов, по одному штаб- и обер-офицеру, а также 6 казаков [\[10, л. 46\]](#). Как писал С. И. Петин в своем историческом очерке, «к юбилею Конвоя приехали с Кавказа высшие представители боевой казачьей силы Кубани и Терека» [\[5, с. 317\]](#), среди которых были наместник Кавказа, граф И. И. Воронцов-Дашков, наказной атаман Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенант М. П. Бабыч и начальник штаба, генерал-майор А. И. Кияшко, наказной атаман Терского казачьего войска, генерал-лейтенант А. С. Михеев и начальник штаба, генерал-майор Ф. Г. Чернозубов.

Прибыли на юбилей и старые конвойцы. Специально для них в марте 1911 г. в газете «Кубанские областные ведомости» на первой странице было размещено объявление. В нем старожилы Конвоя оповещались о проведении панихиды в Петропавловском соборе в Санкт-Петербурге накануне праздника и о параде при Высочайшем присутствии в Царском Селе на следующий день. Офицеров, служивших в казачьей гвардии, приглашали на обозначенные мероприятия: 17 мая – в обыкновенной форме при трауре, 18 мая – в парадной одежде [\[13, с. 1\]](#).

Не обошелся юбилей без памятных подарков от императора. Для всех чинов, которые должны были быть в строю во время торжественного парада, был изготовлен нагрудный знак Конвоя. Он представлял собой «выпуклый древне-славянский щит», который был окован 13 гвоздями. На эмблеме были изображены императорская корона под защитой меча и цифра «100 л» [\[10, л. 38/8 об.\]](#). Помимо юбилейного нагрудного знака император пожаловал всему списочному составу нижних чинов л.-гв. Кубанских и Терских казачьих сотен Конвоя по 1 серебряному рублю чеканки 1911 г. [\[10, л. 90\]](#).

Торжества начались 17 мая 1911 г. в 11.00 в усыпальнице российских императоров при Петропавловском соборе. На гробницы основателя Конвоя и его Державных шефов Александра I, Николая I, Александра II и Александра III были возложены венки из живых цветов и отслужена панихида. В 16.30 в Александровском дворце началась процедура прибавки юбилейного георгиевского штандарта, пожалованного грамотой

Николая II л.-гв. 1-му и 2-му Кубанским казачьим сотням Собственного Е. И. В. Конвоя [\[14, л. 1-106.\]](#). В Полукруглом зале вокруг стола со штандартом расположились офицеры и нижние чины Конвоя во главе со своим командиром, князем Г. И. Трубецким. В смежном Портретном зале находились министр Императорского двора, барон В. Б. Фредерикс, наказной атаман Кавказских войск, граф И. И. Воронцов-Дашков, обер-гофмаршал Императорского двора, граф П. К. Бенкендорф, а также делегации от Кубанского и Терского казачьих войск. Император появился в присутствии своих детей, при этом он сам и его наследник, цесаревич Алексей были в форме Конвоя. Уделив внимание каждой делегации, Николай II отправился в Полукруглый зал. Перекрестившись, он вбил в древко нового штандарта первый гвоздь, затем эту процедуру проделали цесаревич Алексей, И. И. Воронцов-Дашков, В. Б. Фредерикс, Г. И. Трубецкой, офицеры и нижние чины Конвоя. Мероприятие завершилось после того, как государь привязал к штандарту юбилейную ленту и георгиевский темляк, передав его старшему вахмистру л.-гв. 2-ой Кубанской сотни Н. Попову для отвоза в Большой Дворец. Сам император с детьми вышел на балкон, чтобы посмотреть на подарок от терцев – обмундирование и лошадь [\[5, с. 317-318; 15, с. 2\]](#). Подарок был одобрен императором еще в марте 1911 г., когда начальник штаба Терского войска Ф. Г. Чернозубов через командира Конвоя Г. И. Трубецкого получил разрешение поднести Августейшему атаману всех казачьих войск, цесаревичу Алексею форму терского казачества [\[10, л. 66\]](#).

18 мая развернулись основные юбилейные торжества – парад при Высочайшем присутствии, освещение штандарта и присяга казаков. На площадке Большого Царскосельского дворца построился Конвой, на левом фланге которого выделялись всадники в исторических формах. Возле Зубовских ворот находились в ожидании императора И. И. Воронцов-Дашков, В. Б. Фредерикс, Г. И. Трубецкой, А. В. Родионов и А. Н. Граббе. Все свободные места вокруг площадки были заняты зрителями. В 11.00 прибыли Николай II с цесаревичем в парадной форме своей Свиты, а также его Августейшие дочери. После рапорта командира Конвоя, император объехал с поздравлениями казаков под звуки гимна в исполнении трубачей л.-гв. Гусарского Его Величества полка. С почестями был увезен во дворец «старый Георгиевский штандарт кубанцев, пожалованный за Лейпциг, свидетель победоносных боев последней турецкой войны» [\[5, с. 319\]](#). Новый штандарт после молебна был освящен, при этом края полотнища при окроплении святой водой держали государь и командир Конвоя. Торжественную процедуру продолжила присяга казаков. После нее император вручил штандарт коленопреклоненному Г. И. Трубецкому, который в свою очередь передал его старшему уряднику.

Юбилейный церемониальный марш был особенно эффектным – 594 казака, среди который 11 георгиевских кавалеров, прошли перед императором шагом, рысью и наметом [\[10, л. 125\]](#). После его завершения император поднял чарку за честную и преданную службу кубанских и терских казаков Конвоя, выразив надежду, что и «грядущие поколения будут служить по примеру своих славных предков» [\[16, с. 2\]](#).

Неофициальная часть проходила в Большом Царскосельском дворце. На завтрак с Николаем II и его семьей [\[1\]](#) были приглашены штаб- и обер-офицеры с супругами, а также старые конвойцы. Круглые столы Большого зала были сервированы на 180 персон. Согласно сохранившемуся в Государственном архиве Краснодарского края меню на завтрак были поданы курица по-охотничьи (*фр. poulet chasseur*), огуречный суп-крем (*фр. creme de concombres*), желе (*фр. jelle de Prê-Jalé Richelieu*), соус Равигот из свежих трав (от *фр. sauce Ravigote*), холодная курица (*фр. poulardes froides prinlanniére*),

персики (*фр. pêches Victoria*), парижское мороженое (*фр. glaces Parisienne*), десерт (*фр. Dessert*) [\[10, л. 40/5\]](#). Во время трапезы играл придворный симфонический оркестр. Перед отъездом в Малый дворец императорская семья сфотографировалась в общей офицерской группе. Для нижних чинов неформальная часть состояла из обеда в казарме и вечерних развлечений – кинематографа, фейерверка и музыки [\[10, л. 131\]](#).

19 мая состоялась юбилейная джигитовка. В 16.00 на Дворцовую площадь прибыл государь со своими детьми. 70 лучших конвойцев оспаривали между собой 37 призов, состязаясь в образцовой рубке и джигитовке. Специально для праздника из Петербургского окружного артиллерийского склада было выдано шесть 3-линейных казачьих винтовок и столько же 4-линейных берданок [\[10, л. 89, 93\]](#). Продемонстрировав «беззаветную удаль, необходимую спутницу казачьего праздника», лучшие всадники получили призы из рук старшей дочери Николая II, Великой княжны Ольги [\[5, с. 322\]](#).

Вечер этого дня был не менее насыщенным, чем предшествующий. Государь принял участие в освящении нового здания офицерского собрания, построенного специально к юбилею Конвоя по проектам архитекторов В. А. Покровского и В. А. Максимова. После молебна Николай II принял депутации 16-го стрелкового императора Александра III полка, Собственного Его Величества сводно-пехотного пока, л.-гв. Казачьего Его Величества полка, Кубанского и Терского казачьих войск. Как писал в своем очерке С. И. Петин, «необыкновенным воодушевлением отличался первый парадный обед Конвоя в новом столетии его службы» [\[5, с. 323\]](#). На нем поднимались тосты и звучали бытовые казачьи песни. Вечер завершился танцами и фейерверками.

Согласно официальной программе юбилея Конвоя, 19 мая стал заключительным днем в череде праздничных торжеств [\[10, л. 131\]](#). Однако С. И. Петин упомянул ужины, которые прошли 22 мая в офицерском собрании и 27 мая в доме наместника И. И. Воронцова-Дашкова, завершив этим рассказ о юбилейных празднествах, чествовавших 100-летие казачьей гвардии [\[5, с. 323–324\]](#).

Таким образом, праздничная коммеморация Собственного Е. И. В. Конвоя играла важную роль в развитии исторической культуры кубанского и терского казачества. Праздничные даты были привязаны к событиям, воспринимаемые конвойцами как ценностно значимые, – это формирование л.-гв. Черноморской казачьей сотни в 1811 г. и ее успешная атака при Лейпциге в 1813 г. Официальная власть, являясь инициатором организации полковых праздников и юбилейных торжеств, преследовала конкретные задачи – для казачества демонстрировала свою благосклонность, мобилизуя военную поддержку престола, для общественности показывала боевую мощь и силу государства. При этом в основе праздничной коммеморации казачьей гвардии можно выделить несколько ключевых признаков – ретроориентированность, ритуальность, коллективность, корпоративно-ценностная направленность и эмоциональность.

[\[1\]](#) На юбилейных торжествах отсутствовали Александра Федоровна из-за болезни и Мария Федоровна вследствие траура.

Библиография

1. Гефнер О. В. Праздничная культура военных русской армии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Омского университета. 2009. № 3. С. 77–87.
2. Келлер Е. Э. Праздничная культура Петербурга: очерки истории. СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2001. 319 с.

3. Минер В. Л. Воинские ритуалы российской армии: история зарождения и развития: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М.: Московский государственный областной университет, 2005. 289 с.
4. Хохлов И. В. Исторические традиции гренадерских и пехотных полков русской армии: опыт изучения и сохранения (1874–1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2006. 258 с.
5. Петин С. Собственный Его Императорского Величества конвой. 1811–1911 гг. Исторический очерк. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1911. 175 с.
6. Орлов О. Л. Российский праздник как феномен культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 1. С. 32–41.
7. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 332. Оп. 1. Д. 717.
8. Телеграммы. С.-Петербургского Телеграфного Агентства. От 5 августа // Кубанские областные ведомости (КОВ). 1913. 9 октября. № 214.
9. Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. № 4. С. 6–22.
10. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 650.
11. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 800.
12. Галушкин Н. В. Собственный Его Императорского Величества конвой. Сан-Франциско: Изд. Б. В. Чарковского, 1961. 412 с.
13. Объявление Собственного Его Императорского Величества Конвоя // КОВ. 1911. 6 марта. № 51.
14. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 676.
15. Торжество 100-летия Царского Конвоя // КОВ. 1911. 22 мая. № 108.
16. Празднование 100-летия Царского конвоя // КОВ. 1911. 25 мая. № 110.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Двадцатый век обрушил на человечество как многочисленные технические новинки, что было обусловлено развитием научно-технического прогресса, так и военные невзгоды (чего стоят только две мировые войны, унесшие десятки миллионов человеческих жизней). Но помимо прочего двадцатое столетие с его урбанизацией не могло не привести к размыванию исторической памяти, ведь именно село, деревня является его традиционной опорой. В нашей стране ситуация оказалась усугублена еще и горнилом революции 1917 г., да и событиями 1991 г. И в том, и в другом случае, помимо распада государственности произошел и определенный отказ от предшествующих культурных традиций. Сегодня многие не только исследователи, но и простые ценители прошлого по крупицам восстанавливают культурные традиции дореволюционной России.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются полковые праздники Собственного Его Императорского Величества конвоя. Автор ставит своими задачами проанализировать эволюцию полкового праздника Конвоя, а также показать празднование юбилея конвоя в 1911 г.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать ежегодную традицию организации полковых праздников и юбилейных торжеств Собственного Его Императорского Величества конвоя. Научная новизна статьи заключается также в привлечении архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент отметим его разносторонность: всего список литературы включает в себя 16 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена как опубликованными материалами (материалы периодической печати, труд историка конвоя С. Петина), так и документами из фондов Государственного архива Краснодарского края. Из используемых исследований отметим труды О.В. Гефнера и В.Л. Минера, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения воинских ритуалов русской армии. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как исторической культурой, в целом, так и воинскими ритуалами русской императорской армии, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «изучение праздничной коммеморации казачьей гвардии с позиции концепции исторической культуры обусловлено необходимостью поиска эффективных механизмов сохранения и моделирования коллективной исторической памяти современного казачества, в том числе и через практику празднования памятных дат». Обращаясь к изучению истории Собственного Его Императорского Величества конвоя, автор обращает внимание на то, что «официальная власть, являясь инициатором организации полковых праздников и юбилейных торжеств, преследовала конкретные задачи – для казачества демонстрировала свою благосклонность, мобилизуя военную поддержку престола, для общественности показывала боевую мощь и силу государства». Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи, «в основе праздничной коммеморации казачьей гвардии можно выделить несколько ключевых признаков – ретроориентированность, ритуальность, коллективность, корпоративно-ценностная направленность и эмоциональность».

Главным выводом статьи является то, что «праздничная коммеморация Собственного Е. И. В. Конвоя играла важную роль в развитии исторической культуры кубанского и терского казачества».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Человек и культура».